УДК 811.133.1

МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРОСС-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА: ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Ю.О.Гусакова

Гуманитарный институт НовГУ, guibel@yandex.ru

Статья посвящена изучению истории формирования метода кросс-культурного анализа, процедура которого позволяет определить индивидуальные свойства языковой ментальности.

Ключевые слова: *кросс-культурный анализ, языковая ментальность*

The article is devoted to the examination of the formation history of the cross-cultural analysis (CCA). The procedure permits to determinate the individual characteristics of the language mentality.

Keywords: *the cross-cultural analysis, the language mentality*

Термин «кросс-культурный анализ» — довольно новое явление в терминологическом аппарате отечественных лингвистов. Нельзя сказать, что он активно используется и в зарубежной лингвистике. Однако специалисты других гуманитарных наук применяют его достаточно давно и широко.

Первыми в научный обиход его ввели психологи, которые использовали его для «выявления зависимостей поведения людей от культурных факторов» [1], затем уже у психологов его заимствовали социологи. Можно сказать, что в 1980-1990-е гг. формирование метода кросс-культурного анализа (ККА) в целом завершилось, и возникло отдельное направление в психологии — «кросс-культурная психология», у истоков которой стояли такие исследователи, как Э.Тайлор, В.Вундт и У.Риверс [2]. Разработанная в дальнейшем Г.Триандисом методология кросс-культурного анализа, основанная на предложенном Р.Нароллом понятии «культурная единица», дала возможность проводить «систематическое изучение поведения и опыта, каким он предстает в различных культурах, оказывается зависимым от культур или является следствием изменений в существующих культурах» [3]. По мнению Н.Н. Беспаятных, именно основательная методологиче-

ская база обеспечила кросс-культурным исследованиям «солидный стаж» в психологии [4].

Исследования кросс-культурных психологов, занимавшихся получением сведений о культурных различиях и влиянии их на поведение людей, привлекли внимание в первую очередь тех социологов, которые работали в области гендерологии [5]. Оттуда ККА «плавно перекочевал» сначала в гендерную лингвистику, а затем вошел в сферу использования и других языковедов. Прежде всего он заинтересовал специалистов по межкультурной коммуникации.

Результатом нового «взгляда на вещи» стали описания культурной специфики разных контекстов, которые обуславливают интерпретацию смысла в различных ситуациях. Поясняя различие в терминологии, М.Б.Бергельсон, видный специалист по межкультурной коммуникации, отмечает: «Термин **межкультурная коммуникация** относится к случаям, когда коммуникативная компетентность столь различна, что это отражается на исходе, коммуникативного события. (Часто используемый термин *кросс-культурный* обычно относится к изучению некоторого конкретного феномена в двух или более культурах и имеет дополнительное значение сравнения)» [6].

Однако справедливости ради следует указать, что в отечественной науке о языке первые попытки собственно кросс-культурного исследования были предприняты еще специалистами по лингвострановедению. Этот особый раздел лингводидактики, включающий в себя изучение связи языка с культурой, повседневной жизнью и стереотипами поведения, оформился в отечественном языкознании в 80-е годы XX в. Чуть позднее «кросс-культурная перспектива» заинтересовала и социолингвистов, которые давно работали в этом русле, но пользовались другой терминологией [7].

Следует упомянуть и этнолингвистику, которая изначально была ориентирована на изучение культурно специфических понятий в лексике языка. Этнолингвисты также не склонны пользоваться термином «кросс-культурный анализ», но по сути работают именно в этом направлении.

Более квалифицированно, с учетом, так сказать, соответствующей терминологии, ККА занялись те отечественные и зарубежные ученые, которые разрабатывали круг проблем, связанный с изучением дискурса. Кросс-культурные исследования дискурса, полагает М.Б.Бергельсон, изначально были направлены на «выявление культурно обусловленной картины мира, стоящей за рассказами о происшествии или о наиболее запомнившемся событии» [8]. В таких исследованиях важно было показать, что культурные противопоставления не только влияют на формирование различных типов дискурсов, например профессионального, но и во многом предопределяют их. Такой подход реализовали, в частности, Рон и Сюзан Сколлон [9]. Они попытались описать жанр профессиональной коммуникации и дедуктивно исчислить по разным дискурсивным параметрам основные культурные противопоставления на материале именно профессионального дискурса. Несколько иной подход был использован в работе Деборы Таннен об особенностях коммуникативного поведения мужчин и женщин [10]. Ее сопоставительный анализ «языков» двух культурно противопоставленных групп, пользующихся одним, вроде бы общим языковым кодом, позволил сделать вывод о том, что кросс-культурные различия могут наблюдаться даже в пределах одного языкового континуума. Она исследовала коммуникативное поведение мужчин и женщин и показала, что это поведение способно существенно различаться и приводить к непониманию.

Отметим, что межкультурное сопоставление дискурса — новое направление в дискурсивной прагматике. В первую очередь оно оперирует таким понятием, как «национальный архетип», подразумевающий набор неформулируемых утверждений, которые являются незыблемыми презумпциями и на которые опираются рассказчик и слушающий. Именно в этом научном ответвлении прагматики дискурса выделилась так называемая кросс-культурная прагматика, занимающаяся сопоставительным анализом отдельных принципов, характеризующих коммуникативную деятельность. Наиболее популярный термин в подобных исследованиях — *cultural script*, а содержание, которое за ним закреплено, — некие культурные пра-

вила, нормы, определяющие специфику речевого поведения этносов в определенной ситуации общения.

Термин этот стал широко востребованным после выхода работ Анны Вежбицкой. В 90-е годы вошел он и в отечественную лингвистику вместе с первыми переводами ее работ. Переводили его, однако, по-разному. Так, Р.М.Фрумкина и А.И.Полторацкий в качестве русского эквивалента использовали термин «культурно-обусловленный сценарий», молодые переводчики — «культурный сценарий». А.Д.Шмелев отдает предпочтение терминам «культурные предписания», «ценностные установки культуры» или предложенному самой А.Вежбицкой термину «культурные скрипты», чтобы избежать при переводе нежелательной омонимии терминов *scenariò* и *script* [11]. Более прочно все же утвердился термин «культурный сценарий».

Вежбицкая предложила иной подход к исследованию дискурсивной практики. В целом ее исследования логично вписывались в рамки кросс-культурной прагматики, но коммуникативное поведение как таковое не было в фокусе ее внимания: ее интересовала прежде всего смысловая интерпретация культурно значимых слов. «Сравнивая слова, конструкции, тексты, являющиеся в различных языках как будто бы точными соответствиями, Вежбицкая, используя разработанный ею метаязык семантических примитивов, показывает, что прямые переводные эквиваленты могут скрывать существенные культурно обусловленные различия», — пишет М.В.Бергельсон. А.Вежбицкая стремится показать, что мы часто приписываем несуществующую универсальность понятиям, которые обладают достаточно ощутимыми культурными различиями, например, когда рассуждаем о дружбе, свободе, гневе, страхе и т.п.

Так, по мнению Вежбицкой, русских отличает особый интерес к сфере человеческих отношений. На миллион словоупотреблений приходится 817 случаев употребления лексемы «друг», в то время как частотность употребления, например, ее английского аналога («*friend*») в сопоставимом корпусе составляет 298 случаев [12]. Русский язык богаче и в «содержательной части»: в нем присутствуют две, отличающиеся смысловыми нюансами, формы, которые указывают на множественность — устаревшая *други* и современная, по происхождению собирательная, форма *друзья*. Последняя, полагает Вежбицкая, обладает особыми импликациями, не свойственными иноязычным эквивалентам лексемы *друг*: она свидетельствует об особом типе общности, *со-общности*. «Видеть своих *друзей*, беседовать с ними, проводить с ними много времени — это одна из наиболее важных составляющих русской жизни», — заключает в итоге исследовательница [13].

Уделяет внимание Вежбицкая и обращениям со словом *друг*. Несмотря на кажущуюся близость русского слова *друг*, периодически употребляющегося в качестве обращения, и формы английского обращения «*my friend*» она не спешит соотносить их друг с другом. По ее мнению, «*my friend*» в английском языке может быть охарактеризовано тремя от-

тенками — «ироничным, саркастичным или покровительственным», тогда как в русском языке выражения «мой друг» или «другой друг» могут быть адресованы только настоящим друзьям. Последнее доказывает наличие у слова *друг* некоего эмотивного семантического компонента, нечто вроде «когда я думаю о тебе, я чувствую нечто хорошее», что не находит отражения ни в английском «friend», ни в русских «подруга» и «приятель». Это, по мнению Вежицкой, особенно наглядно демонстрируют синтагматические связи русской лексемы, ср.: *«близкий друг, задушевный друг, лучший друг, единственный друг, неразлучные друзья, верный друг, надежный друг, преданный друг, истинный друг»* [14].

Подобный подход к анализу культурно значимой лексики позволяет Вежицкой сформулировать идею *культурных стереотипов*, так называемых «лингвокультурных изоглосс» [15]. Центральными лексическими единицами в таких культурных стереотипах являются *ключевые слова* — так Вежицкая называет «слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [16]. В русской культуре это, например, лексемы *судьба, душа и тоска*. Примечательно, что в отличие от многих своих коллег А.Вежицкая не ограничивается монокультурными исследованиями «ключевых слов»: широко известны ее работы, посвященные сравнительному изучению культурных стереотипов австралийской, английской, польской и русской языковых культур. Эти работы интересны еще и потому, что именно они уже без всяких оговорок могут быть квалифицированы как кросс-культурные лингвистические исследования (кстати, и сама Вежицкая употребляет этот термин).

В этом же направлении работает и В.А.Маслова — автор одного из первых учебных пособий по лингвокультурологии [17]. И хотя автор в аннотации к книге заявляет, что «лингвокультурология — новая отрасль знания для российской науки о языке», смеем утверждать, что собственно те исследования, которые ныне называются лингвокультурологическими, на самом деле давно проводились и проводятся в рамках изучения языковой ментальности. Это подтверждается и следующим рассуждением автора: «Лингвокультурология — это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. С ней тесно связана этнолингвистика и социоллингвистика, причем настолько тесно, что это позволяет В.Н.Телия считать лингвокультурологию разделом этнолингвистики. Но, тем не менее, это принципиально разные науки» [18].

Нас, впрочем, интересует в данном случае не название направления и не ответ на вопрос, действительно ли оно новое. Особо выделить хотелось бы следующий факт: характеризуя направления современной лингвокультурологии, Маслова выделила отдельным пунктом «Сопоставительную лингвокультурологию» и отметила: «Она только начинает развиваться. На сегодняшний день она представлена лишь несколькими работами, наиболее интересной из них является работа М.К.Голованивской «Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка»,

в которой особенности французского менталитета изучаются с позиций носителя русского языка и культуры» [19]. Мы полагаем, что именно это направление отечественной лингвокультурологии более чем какое-либо другое основано на методологии ККА. Ведь кросс-культурный подход к анализу языковых средств заключается не столько в выявлении общего в двух сравниваемых языках, сколько в умении видеть специфику в той или иной лингвокультуре.

В отличие от исследований А.Вежицкой целью кросс-культурного анализа М.К.Голованивской является не описание закрепленных за абстрактными понятиями сценариев поведения, сколько попытка представить их «видение в той или иной культуре» посредством присущего им образа. Этот «образ» Голованивская пытается выявить путем определения «вещественной коннотации». Вещественная коннотация, полагает она, находит свое отражение не в индивидуальных, авторских метафорах, а в общеязыковых, что позволяет говорить о ее объективном характере. «Вещественная коннотация не осознается носителями языка, образуя своеобразный метафорический концепт понятия, который возможно выявить лишь путем реконструкции» [20].

Особо отметим, что Голованивская впервые в истории лингвистики предпринимает попытку разработать процедуру «контрастивного семантического анализа» [21], которая, по ее мнению, должна включать в себя три этапа: описание русских понятий, описание их эквивалентов во французском языке, сопоставительный анализ значений описываемых понятий и, как результат, выявление вещественных коннотаций, присущих понятию в двух языках. Такая методология и позволяет ей провести сравнительный анализ двух языковых ментальностей, ориентированный на выявление их различий, а не совпадений.

Отметим, что подобные исследования в отечественной науке уже начаты. В этом плане примечательно название одной из работ Е.В.Урысон — «Языковая картина мира и лексические заимствования», в которой она обращается к анализу заимствованной из французского языка лексемы «район» и исконно русского слова «округа». Несмотря на кажущуюся близость значений, полагает автор, «обе лексемы обозначают не имеющую четких границ территорию, выделяемую относительно какого-либо объекта» [22]. Слова отличаются, главным образом, объектами, относительно которых может быть выделена та или иная территория. Так, границы *района* определяются относительно его центра, в то время как *округа* предполагает обязательное наличие людей, проживающих на указанной территории. Люди, предполагает далее автор, проживающие в округе, связаны соседскими отношениями, а потому склонны считать себя входящими в коллектив, «своими», что приводит к олицетворению округа с домом. Подобные смысловые импликации свидетельствуют о проявлении патриархальной русской категории «общинности», которая представляется ей неотъемлемой чертой русской языковой картины мира. Слово «округ» уступает первенство французскому заимствованию «район» именно потому, что «данный

фрагмент русской языковой картины мира в большей степени утрачивает свою специфичность, перестраиваясь, как то навязывает ему новая лексема *район*» [23].

Подход к изучению разных пластов русской лексики, намеченный Е.В.Урысон, представляется чрезвычайно плодотворным и перспективным. Русский язык за почти тысячелетнюю историю своего существования впитал в себя много иноязычных элементов, которые обогащали его и усложняли формирующуюся лингвокультуру. Заимствованный лексический элемент часто не был простым по своему происхождению, иногда он попадал в русский язык посредством двух и даже трех языков и, безусловно, приносил что-то новое, ранее не известное русской языковой картине мира. Если такой элемент «задерживался» в языке, то, значит, для русской языковой системы это было важно. Если же, как тонко показала Урысон всего лишь на примере одной лексемы, заимствованное слово еще и вытесняло исконное, значит, менялись языковые приоритеты у «принимающей стороны», и новое слово больше соответствовало изменившейся реальности. Выяснить, почему именно «чужой» элемент больше подходил или больше соответствовал меняющейся русской языковой картине мира отчасти и призваны, по нашему глубокому убеждению, развивающиеся в отечественной лингвистике кросс-культурные исследования.

1. Беспаятных Н.Н. // Наука. Релігія. Суспільство. 2008. №1. С.13.

2. Там же. С.14.
3. Там же. С.13.
4. Там же. С.11.
5. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Питер, 2003. 720 с.
6. Бергельсон М.Б. // Вестник МГУ. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. №4. С.166.
7. Африка: общества, культуры, языки: (Традиционный и современный город в Африке): Мат. выездной сессии науч. совета, состоявшейся в Санкт-Петербурге 5-7 мая 1998 г. / РАН. Науч. совет по проблемам Африки. Ин-т Африки и др. / Отв. ред. И.В.Следзевский, Д.М.Бондаренко. М.; 1999. 267 с.
8. Бергельсон М.Б. Указ. соч. С.175.
9. Scollon R. and Scollon S.W. Intercultural communication: a discourse approach. N.Y.: Blackwell Publishers Ltd., 1995. 316 p.
10. Таннен Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга. М.: АСТ, 1996. 432 с.
11. Иванова Г.А. О семантике и прагматике синонимичных терминологических сочетаний (на материале русской лингвистической терминологии) — <http://www.russian.slavica.org/article3639.html>
12. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д.Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. С.108.
13. Там же. С.109-110.
14. Там же. С.113.
15. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителей русского языка, М., 1997. С.29.
16. Вежбицкая А. Указ. соч. С.35.
17. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2001. 208 с.
18. Там же. С.9.
19. Там же. С.29.
20. Головановская М.К. Указ. соч. С.27.
21. Там же. С.12.
22. Урысон Е.В. // Вопросы языкознания. 1999. №6. С.80.
23. Там же. С.82.